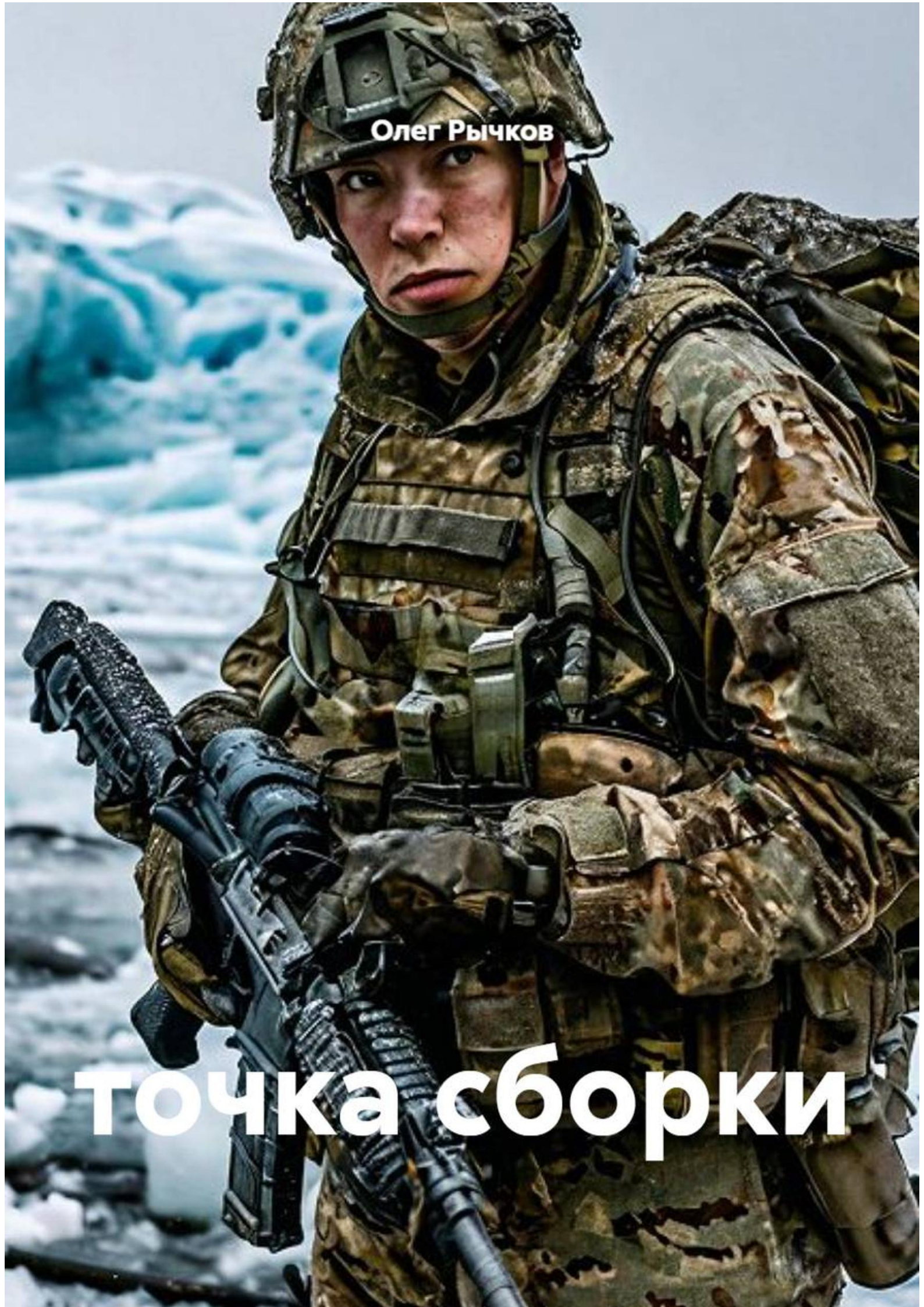

Олег Рычков

точка сборки

Олег Рычков
точка сборки

«Автор»

2026

Рычков О.

точка сборки / О. Рычков — «Автор», 2026

Когда связь с полярным аванпостом обрывается, Группа особого назначения ГРУ «Вега» получает приказ, который пахнет смертью. Капитан Екатерина Волкова — Рысь — должна спуститься в ледяной ад Баренцева моря, чтобы выяснить, почему замолчала самая защищенная база страны. Но то, что она находит под толщей льда, пугает сильнее ядерной зимы. В свинцовом саркофаге лежит не оружие. Там бьется «сердце», способное переписать законы физики или уничтожить саму ткань реальности. Они думали, что спасают Родину. Они ошибались. Это история не о спасении мира. Это история о том, как умирающие люди становятся богами, чтобы забрать своё обратно.

© Рычков О., 2026

© Автор, 2026

Олег Рычков

точка сборки

Точка Сборки

Пролог

Место: Москва, штаб ГРУ «Яуза-4», кабинет генерал-полковника Громова.

Время: 14 марта 2031 года, 22:15.

Генерал-полковник Громов стоял у панорамного окна, упираясь ладонями в холодное стекло. Стекло едва заметно вибрировало от работы подземных генераторов штаба. Огни Москвы-Сити обычно отрезвляли, вбивая в позвоночник осознание собственной власти над этими светящимися нитями. Но сегодня сеть дала сбой. Связь с «Полярником-7» молчала уже три часа. Сначала списали на циклон — рядовое дело для Арктики. Но когда резервный спутник Минобороны подсветил тепловой всплеск в квадрате метеостанции, Громов понял — их переиграли. Металлический привкус во рту, появившийся еще утром, стал гуще. Так всегда бывало перед катастрофами.

Он нажал кнопку на пульте, активируя зашифрованный канал. На экране появился силуэт — размытый, без лица, с искажённым голосом. Один из «Архитекторов».

— Мы ослепли, — сказал Громов. — «Полярник» мертв. Нас вскрыли до того, как мы успели подойти. Вы нарушаете

— Мы знаем, — голос был лишён интонаций, как у синтезатора. — Контейнер извлечён. Артефакт в безопасности. Ваша роль теперь — подготовить коридор. Группа «Вега» уже вылетает.

— Моя группа? — Громов нахмурился. Кожа на лбу натянулась так сильно, что заболели старые шрамы от осколков под бровью. — Я не отдавал приказа.

— Ты отдашь. Мы позаботились о том, чтобы приказ выглядел подлинным. Капитан Волкова и её отряд уже в воздухе. Они доставят артефакт туда, куда нужно. Или умрут, пытаясь это сделать. Нам всё равно.

Громов стиснул зубы. Челюсть свело судорогой, пришлось медленно разжать её усилием воли. Он привык быть кукловодом, а не марионеткой. Но эти люди... они знали слишком много. И они держали его на коротком поводке.

— Что внутри контейнера? — спросил он.

— То, что перепишет историю, — ответил голос. — Или завершит её. Зависит от того, кто первым нажмёт на спуск. Работайте, генерал. Время пошло.

Экран погас. Громов остался один в своём кабинете, глядя на своё отражение в тёмном стекле. Отражение двоилось из-за тонкой паутины трещин в углу стеклопакета, оставшейся после прошлого покушения.

Он видел там не генерала, а человека, который продал душу, чтобы спасти страну. Или уничтожить её.

Место: Арктика, архипелаг Земля Франца-Иосифа, метеостанция «Полярник-7».

Время: 14 марта 2031 года, 23:47.

Ветер не выл — он кричал. Тысячеголосый хор ледяных духов разрывал стальную обшивку станции, пытаясь добраться до тёплого нутра бетонного куба. Температура за стенами перевалила за минус пятьдесят шесть, но внутри «Полярника-7», вбитого в базальтовый щит острова Гукера, было почти тепло. Плюс два градуса по Цельсию — для февраля в этих широтах аномальная жара, за которую следовало благодарить старый ядерный котёл РБН-2,

дремлющий в нижнем ярусе уже сорок лет. Запах озона и горячего машинного масла висел в воздухе плотной завесой, оседая жирной пленкой на губах.

Доктор Илья Борисович Штерн снял вторую варежку и подул на окоченевшие пальцы. Дыхание тут же осело густым инеем на седой бороде, превратив её в сосульку. Кончики пальцев горели так, словно их прижали раскаленным паяльником — кровь возвращалась в ткани. Он стоял перед главным серверным терминалом связи — монструозной машиной времён заката СССР, экран которой заливал тесную радиорубку рубиновым светом. Полоса загрузки данных ползла со скоростью улитки, и Штерн чувствовал, как каждая секунда отдаётся в груди глухим, болезненным стуком. Старый стул под ним жалобно скрипнул, когда он перенес вес с одной затекшей ноги на другую.

Он вспомнил, как спускался в скважину три дня назад. Как трос скрипел под его весом, как вода становилась теплее, а затем снова холодной. Как в луче сонара появилась плоскость — неестественная, идеальная, матово-чёрная, поглощающая свет. Она не отражала ничего. Она просто была. И от неё исходило ощущение, что она не просто существует — она наблюдает.

А затем они нашли люк. И внутри — контейнер. Массивный свинцовый саркофаг, покрытый руническими символами, которые не поддавались дешифровке. Когда они вскрыли его, Штерн увидел чёрный цветок-реактор. Он пульсировал, словно живой, и от него исходил холод, который пробирал до костей даже сквозь скафандр. Пальцы Штерна онемели, когда он коснулся его поверхности — это было похоже на прикосновение к живому существу, которое дышит в унисон с его собственным сердцем.

Голос в его голове прошептал: «Отдай его нам. Мы дадим тебе силу. Мы дадим тебе дочь».

Дочь. Вера. Она умерла десять лет назад от лейкемии. Он держал её руку, когда она уходила, чувствуя, как тепло покидает её тело, и с тех пор каждый день просыпался с мыслью о том, что она не вернётся. Но в этом голосе было обещание — вернуть её. Штерн знал, что это безумие. Но когда тебе семьдесят, и ты потерял всё, что любил, безумие становится единственной разумной альтернативой. Старая фотография в нагрудном кармане, под теплым хлопком термобелья, обожгла кожу через два слоя ткани.

— Быстрее, Илья Борисович! — голос Громова-младшего вырвал его из воспоминаний. Вице-президент корпорации «СевТяжМаш» стоял рядом, его лицо было бледным, а глаза — бегающими. От него пахло дорогим коньяком и страхом — смесь, которую Штерн научился распознавать за тридцать лет работы с высокопоставленными гостями. По воротнику его кашемирового пальто расплзалось темное пятно пота, хотя в рубке было прохладно.

— У нас окно связи со спутником пять минут. Если «Кракен» засечёт сигнал...

— Не учите физика работать с протоколами военного образца, — огрызнулся Штерн, не отрывая глаз от экрана. — Пакет шифруется по ГОСТу две тысячи двадцатого. Ваши новые хозяева из-за океана его даже не заметят. А вот если мы просто загрузим данные на ваш корпоративный диск без защиты, нас снимут прямо сейчас через объектив чайки.

Громов-младший побледнел ещё сильнее, его щёки обрели цвет несвежего сала. Он сделал шаг к двери, ведущей на смотровую площадку. Там, сквозь армированный триплекс, в свете прожекторов металась снежная взвесь. В полукилометре от станции, на расчищенном льду фьорда, возвышался чёрный хищный силуэт — экспериментальный экраноплан П-200 «Лунь-М». Только этот экземпляр, в отличие от боевых собратьев, был модернизирован: вместо пусковых установок противокорабельных ракет его брюхо скрывало грузовой отсек размером с железнодорожную цистерну. На борту «Кракена» дежурила частная армия, которой платили звонкой цифровой монетой без привязки к государствам. Штерн слышал, как мелко стучат зубы вице-президента — ритмичный звук, похожий на азбуку Морзе паники.

Экран моргнул. Загрузка достигла девяноста восьми процентов, а затем встала. Соединение установлено. Резервный спутник Минобороны РФ... Передача пакета... **Ошибка соединения.**

Штерн ударил кулаком по старому пластиковому корпусу монитора, оставляя на нём вмятину и ссадину на костяшках. — Что значит ошибка?! Ионосфера чистая! Буря ушла час назад! — Его голос сорвался на фальцет — страх наконец-то пробил броню академической невозмутимости.

Внезапно низкий гул реактора внизу изменился. Тон стал выше, переходя в тревожный свист — так воеет перегретый пар в трубах перед взрывом. Свет в радиорубке мигнул и сменился с белого на аварийный красный. Старые лампы дневного света затрещали, начиная осыпаться стеклянной пылью. Мелкая пыль зашекотала ноздри, заставив Штерна чихнуть — звук показался неприлично громким в наступившей тишине.

— Они гасят нашу частоту, — прошептал Штерн, вглядываясь в осциллограф. — Но кто? Спутник молчит, помех нет. Значит...

Договорить он не успел. Входная гермодверь, рассчитанная на прямое попадание арктического циклона, беззвучно сложилась внутрь, вырванная гидравлическими ножницами с хирургической точностью. В клубах морозного пара, смешанного с озоном плазмы, в рубку вошли трое.

Они двигались абсолютно синхронно, без единого лишнего движения, словно звенья одного механизма. Их комбинезоны песочного цвета не имели ни шевронов, ни флагов, ни логотипов ЧВК — стерильная пустота, не оставляющая следов. Лиц не было видно за сплошными забралами тактических шлемов нового поколения: матовое стекло поглощало свет, превращая головы людей в чёрные яйца, в которых угадывались только сенсорные панели и оптические прицелы. Каждый их шаг сопровождался тихим шипением сервоприводов гидравлики.

Первым шёл оператор. В руках у него было не обычное оружие, а массивное устройство, напоминающее футуристический фен с раструбом. Он направил ствол на серверную стойку. Раздался звук — высокочастотный треск ломающегося стекла, и главный процессор метеостанции осыпался на пол чёрной стеклянной пылью. Данные стерли физически, перемангитив пластины на расстоянии, — никакое восстановление не помогло бы.

Громов-младший вскрикнул, отшатнулся и поднял руки ладонями вперёд: — Я доложу лично президенту! — Голос Громова-младшего сорвался на фальцет. — Это трибунал!

Один из бойцов плавно повернул голову в его сторону. Из плечевого сустава его экзоскелета бесшумно выдвинулся тонкий стержень — пневматический дротик. Тихое шипение — и титановая игла вошла вице-президенту точно в кадык, пробив трахею и раздробив позвонок. Громов-младший захрипел, булькнул кровью и осел на палубу, царапая ногтями ворот дорогой куртки. Он умер быстрее, чем коснулся спиной холодного металла, — его глаза ещё пытались фокусироваться, но тело уже не слушалось. На бежевом ковролине начало стремительно расти темное липкое пятно.

Илья Борисович Штерн медленно, стараясь не делать резких движений, отступил от пульта. Он смотрел на свои руки, покрытые старческими пятнами и дрожащие теперь не от холода. — Я понял, — сказал он в пустоту забрала. Голос его звучал устало, обречённо. — Контейнер. Вам нужен сам артефакт. Забирайте. Только дайте мне завершить пакет... Там нейропрофиль Веры. Хотя бы её матрицу, — прошептал он, обращаясь скорее к мерцающему экрану, чем к убийцам.

Оператор подошёл к нему вплотную. Протянул руку в массивной тактической перчатке и одним точным движением свернул семидесятилетнему профессору шею. Хруст позвонков утонул в реве ветра, снова ворвавшегося в разбитый проём. Тело Штерна рухнуло на колени, а затем завалилось на бок, его очки соскользнули и разбились о бетон. Оправа очков сложилась с жалким пластиковым щелчком.

Бойцы замерли посреди разгромленной рубки. Две секунды абсолютной тишины, нарушаемой лишь свистом ветра и шипением разряженного сервера. Затем ведущий опустился на одно колено, открыл панель на бедре и подключил кабель к порту терминала. Экранчик на его предплечье загорелся бледно-зелёным — он скачивал логи системы питания. Ему нужно было знать, куда именно ушёл тот короткий всплеск энергии, который станция успела выплюнуть в небо за секунду до блокировки.

Закончив, он поднялся. Обернулся к своим людям и дважды щёлкнул языком — короткий, сухой приказ, похожий на щелчок затвора. Бойцы подняли оружие. На конце стволов вспыхнули синие диоды лазерных целеуказателей. Красные точки легли на лоб и грудь мёртвого профессора Штерна.

Выстрелов слышно не было. Только хлопки подавителей и глухой стук падающих тел. Пули были керамическими, бесшумными и оставляли раны, которые невозможно идентифицировать при баллистической экспертизе.

Ведущий осмотрел тела. Подошёл к иллюминатору. Далеко внизу, во фьорде, открылся люк в днище «Луны». Мощные электромагнитные захваты втянули в нутро машины тяжёлый свинцовый саркофаг — тот самый объект, который Штерн обнаружил на глубине. Экраноплан включил маршевые двигатели. Воздух задрожал от низкочастотного гула, поднимая тучи снега, и чёрная машина начала скользить по льду, стремительно набирая скорость для взлёта. Через минуту она исчезла в низких облаках, оставив после себя лишь мёртвый бетонный куб и трёх новых покойников, которых никто никогда не будет искать.

На левом запястье ведущего коротко пискнул коммуникатор. Текстовое сообщение от координатора сети гласило:

[ПРОТОКОЛЬНАЯ ОЧИСТКА ЗАВЕРШЕНА. ОБЪЕКТ "КУПОЛ" АКТИВИРОВАН. ЖДУ В ТОЧКЕ НОЛЬ.]

Человек в песчаном комбинезоне посмотрел на свои руки в тактических перчатках. Затем перевёл взгляд на тело русского учёного. Он достал из набедренной кобуры пистолет, приставил ствол к собственному правому виску, где под кожей едва заметно мерцал интерфейс нейропорта, и нажал спуск. Вспышка оплавил пластик шлема изнутри. Биометрия группы самоликвидировалась. Следы остывали вместе с полярной ночью. Запах жженой кожи и озона мгновенно заполнил пространство шлема, перебивая даже вонь крови.

Ветер продолжал выть над станцией, заматаывая следы свежим снегом. А где-то в небесах, над горизонтом, старый спутник-шпион зафиксировал аномальный тепловой всплеск — и передал данные в подземный центр «Аргус», который давно уже перестал быть просто военным.

Глава 1. Сбор

Москва в начале сентября 2031 года была городом, который забыл, что такое зима. Аномальное тепло растопило снег за три дня, превратив столицу в гигантскую лужу под свинцовым небом. Воздух был влажным и тяжёлым, пахло мокрым асфальтом, выхлопными газами и той специфической городской сыростью, которые проникает под одежду быстрее, чем холод.

Капитан Екатерина Волкова стояла на крыше семидесятиэтажной башни «Федерация» Западного комплекса, облокотившись на парапет из закалённого стекла. Она ненавидела эту погоду. В ней слишком быстро гнили контакты электроники, и слишком медленно сохло бельё — мелочь, которая раздражала её сильнее, чем отсутствие горячего душа после недели в горах. Синтетическая ткань парки неприятно липла к вспотевшей пояснице при каждом вдохе.

Под ногами, в двух сотнях метров внизу, змеилась Третье транспортное кольцо. Машины казались неподвижными светлячками, запертыми в янтаре многоуровневой развязки. С этого ракурса Москва выглядела как макет для авиаудара — аккуратные кварталы, освещённые

огнями офисов, и чёрные ленты дорог, по которым текли потоки металла. Где-то выла сирена скорой помощи, но звук тонул в низкочастотном гуле ветра между небоскребами.

Но Волкова смотрела не на них. Она смотрела на крышу точно такой же башни-близнеца через дорогу.

Блик был почти незаметен для обычного глаза — крошечная искра, отразившая тусклое солнце от объектива камеры или линзы бинокля. Но Катя была не просто солдатом. Она была оперативником ГРУ с пятнадцатилетним стажем, и её человеческие глаза, натренированные до предела физиологических возможностей, видели то, что другие пропускали. Она заметила этот блик сорок минут назад, и с тех пор он ни разу не пропадал надолго.

За ней следили. Профессионалы. Не новички, которые нервно дёргаются и выдают себя спешкой. Эти работали по конвейеру: смена каждые пятнадцать минут, передача цели по цепочке, использование тепловизионного шума города как маскировки.

Две смены она уже вычислила. Первую — парень в спецовке вентиляционщика на техническом балконе этажом ниже. Он стоял слишком прямо для рабочего, и его инструменты были слишком новыми, без следов грязи. Вторую — женщина с коляской у входа в торговый центр «Афимолл». Она стояла там уже час, но ни разу не заглянула в коляску, а её поза — одна нога чуть впереди, руки скрещены на груди — выдавала опера СВР со стажем от десяти лет.

Третья пара только заняла позицию. Они были лучше — не высывались, не светились. Но Катя чувствовала их взгляды кожей. Этот навык не купишь за деньги и не вживишь в мозг с помощью имплантов. Он вырабатывается годами, когда ты знаешь, что за тобой охотятся. Мышцы шеи затекли от постоянного напряжения — шея превратилась в каменный столб, удерживающий вес шлема, которого на ней сейчас не было.

Она коснулась гарнитуры в ухе, не поворачивая головы. Это был антиквариат — без протоколов ближнего поля, без доступа к сетям, работающая на закрытой частоте ГРУ. Единственный надёжный способ связи в городе, где каждый смартфон был потенциальным жучком.

— Док, проверь мой пульс, — сказала она тихо.

В динамике раздался сухой смешок, сменившийся писком медицинского сканера. Ларин был где-то внизу, в бронированном фургоне, припаркованном на Малой Дмитровке. Его голос звучал так, будто он стоял рядом, — но Катя знала, что он сидит в кресле, подключённый к капельнице, и смотрит на экраны приборов, которые следят за его собственным умирающим телом.

— Сто двадцать пять, — сказал он. — Адреналин плавит лёд, Рысь. Ты собираешься их снимать?

— Нет смысла. Если я уберу хвост, те, кто прислал этих ребят, пришлют других. А мне нужно успеть выпить кофе перед тем, как меня отправят подышать во льды. Кофеиновая горечь уже начала подниматься по пищеводу, вызывая легкую тошноту.

— Романтично, — фыркнул Ларин. — Только не увлекайся кофеином. Твой желудок уже напоминает фильтр для отработанного топлива.

Катя позволила себе короткую улыбку. Ларин всегда умел её разрядить — даже когда сам был на грани. Генерал-майор медицинской службы Виктор Ларин, человек, который знал её организм лучше, чем она сама, и который каждый день боролся с собственным раком, отказываясь ложиться в больницу, потому что «без меня вы там все сдохнете от собственной глупости».

— Ладно, Док. Отбой. Я иду на посадку.

— Счастливого пути. Я буду на частоте.

Она отключила гарнитуру и медленно, обманчиво расслабленно, оттолкнулась от парапета. Её движения были плавными, как у кошки, которая позволяет себя наблюдать, потому что знает: она быстрее любого, кто решит напасть. Чёрная тактическая парка свободного кроя скрывала закреплённый на бедре нож «Взрывотехник-М» и плоскую кобуру с пистолетом

ПС-18 — оружием, которое она носила с собой даже в туалет. Кроссовки с мягкой подошвой полностью глушили шаги по керамограниту крыши, и только её тень, скользящая по стеклянным витринам, выдавала её присутствие.

Пентхаус, который ей выделило управление, занимал весь верхний этаж башни. Оттуда открывался вид на Москву-реку и Кремль — панорама, которую риелторы называли «сердцем дома», а оперативники — «зоной гарантированного поражения». Катя жила в спальне без окон, стены которой были обиты специальным полимером, поглощающим радиоволны. Полимер издавал едва уловимый химический запах, похожий на старую больничную палату.

Она прошла через гостиную, мельком взглянув на панорамные окна. Снайпер с той стороны мог снять её за полсекунды, даже не прицеливаясь, если бы знал, где она находится. Но её квартира была защищена всеми мыслимыми способами, от титановой распорки на двери до антишпионского покрытия на стеклах. ГРУ не жалела денег на своих лучших оперативников — особенно на тех, кто знал слишком много.

На столе, в центре комнаты, лежал распечатанный конверт из плотной бумаги с сургучной печатью. Анахронизм, который ГРУ использовало для сообщений высшей степени секретности — бумагу нельзя взломать, перехватить или подделать. Внутри лежал один-единственный лист с гербовой печатью Министерства обороны. Приказ о внеплановом отзыве из отпуска. Причина: «в связи с оперативной необходимостью высшей категории секретности». Ни подписи конкретного генерала, ни номера части — только код входящего пакета данных, пришедший на её личный коммуникатор полчаса назад.

Катя взяла лист, повертела в руках. Бумага пахла типографской краской и чуть заметным запахом озона — как будто её напечатали в бункере с автономной вентиляцией. Уголок листа загнулся, оставив на подушечке указательного пальца серую полосу. Она знала этот запах. Он появлялся только в документах, которые были созданы на глубине под землёй, в местах, куда не проникало солнце.

Она положила документ обратно и прошла в спальню. Комната была пустой — никаких личных вещей, только сейф, замаскированный под щиток проводки за картиной с зимним пейзажем. Картина была единственным предметом в этой комнате, который имел для неё значение — её отец нарисовал её за год до своей гибели. Лак на раме потрескался от времени, обнажая старое дерево.

Катя набрала комбинацию — дата рождения отца. Замок щёлкнул, открывая чёрное нутро сейфа. Внутри, помимо пистолетов ПС-18 системы Лебедева и укороченных автоматов «Вал», лежали четыре жетона на цепочках и запасной комплект документов на имя Екатерины Смирновой — технического эксперта по ядерным установкам.

Она взяла свой жетон и надела его на шею прямо поверх тонкой водолазки. Металл холодил кожу, напоминая о том, что она всё ещё жива. Затем она достала из сейфа старую кнопочную «Нокию» — аппарат, не имеющий операционной системы и не подключаемый к сетям. Единственный номер в его списке контактов был зашифрован в памяти самого телефона, и его нельзя было считать никаким программным способом.

Катя набрала номер из памяти. Трубку взяли после первого гудка.

— Сомов, — прогудел бас, перекрываемый шумом работающей болгарки. — Я же говорил, Катя, я больше не беру государственные заказы. Я теперь памятники лью. Искусство. Искры падали на бетонный пол мастерской, шипя и гаснув.

Катя услышала звон металла и шипение искр. Игорь Сомов, майор, был в своей мастерской под Ростовом, где он отливал бронзовые статуи для местных кладбищ и скверов. В мирной жизни он был скульптором-самоучкой, и его работы ценились выше, чем официальные памятники из гранита.

— Игорь, привет. Льёшь по старым формам или придумываешь новое?

— Формы вечные, металл разный, — хохотнул он, но тут же посерьёзnel. Судя по тишине в трубке, болгарку он выключил ногой. — Опять наклёвывается дерьмо мирового масштаба?

— Угадал. Арктика. Через полтора часа Чкаловский. Возьми самое тяжёлое, что сможешь поднять одной рукой, и аптечку Ларина. Он нам понадобится живым.

— Понял. Буду. Виктора предупредить?

— Сама позвоню. Жди на КПП.

Катя сбросила звонок. Игорь был верным мастифом группы, готовым бежать сквозь огонь и воду, даже если бы знал, что оттуда не возвращаются. Она помнила, как он прикрывал её в Грозном, когда она была ещё лейтенантом, как вытаскивал из-под обстрела с перебитой ногой, волоча на себе по грязи три километра. Таких людей не бросают.

Второй звонок ушёл Фантому. Антон Зимин ответил текстом:

[В игре. Серверы ЦБ РФ падают через 20 минут. Закрой мои долги перед Тριάдой, если не вернусь.]

Катя усмехнулась. Значит, хакер сидел глубоко в банковской системе Юго-Восточной Азии, перекачивая деньги с карты на карту, уходя от цифровой погони. Она переслала ему координаты борта и приписку: [Если попадётся, скажу, что ты работал на меня. Генерал Громов лично проследит, чтобы тебя сгноили в Лаборатории Касперского. Бегом.] Экран смартфона отозвался болезненно-белым светом на усталые глаза.

Оставался Виктор Ларин. Самый сложный элемент уравнения. Его квартира находилась в районе Ботанического сада — старый ведомственный фонд с облупившимися стенами и лифтами, которые пахли мочой и временем. Катя поднялась на шестой этаж пешком — лифт дышал на ладан, и она не рисковала застрять в нём, когда каждая минута была на счету. Ступени старого бетона стерлись посередине, образуя неглубокие желоба от тысяч прошедших ног.

Она позвонила в дверь условным сигналом: два длинных, три коротких. Ларин открыл спустя минуту. Капитан медицинской службы России редко ошибался в диагнозах, глядя на коллегу. Желтый оттенок кожи граничил с землистым, а левый глаз бился в тике мелкой дрожью — нерв истощен настолько, что мышца потеряла контроль. Катетер, примотанный скотчем к локтевому сгибу, пульсировал в такт капельнице, стоящей прямо на полу у дивана. Это была не жизнь. Это была отсрочка казни с помощью аптечных подпорок. Старая футболка висела на нем мешком, ключицы выпирали острыми углами.

— Ты рано, — прохрипел он, прислоняясь к косяку. — Я ждал тебя завтра. Организм требует калибровки.

— Тебе нужен реанимационный блок, Витя, — спокойно сказала Волкова, проходя внутрь и закрывая дверь. Воздух в квартире был спертый, густым от запаха лекарств, нестиранного белья и чего-то кислого, металлического. — Ты обещал завязывать с самопалом.

— Это не самопал, — слабо огрызнулся он. — Это экспериментальный блокатор митоза. Украден из лаборатории Курчатова. Продлевает агонию. Голова болит так, что череп трещит. Я вчера чуть не вырезал себе аппендикс кухонным ножом просто ради анестезии. Он машинально потер переносицу двумя пальцами, оставляя на коже белый след от давления.

Катя вздохнула. Она знала, что Ларин болен. Знание, что он умирает медленно, методично, каждый день приближаясь к финалу, сидело в ней как заноза. Но она также знала, что без него группа погибнет в первую же серьёзную перестрелку. Виктор был лучшим полевым хирургом, которого она когда-либо видела, и его руки, даже дрожащие от боли, двигались точнее, чем у любого робота.

— Нам лететь в минус пятьдесят. Там твой блокатор замёрзнет и превратится в кусок льда в вене. Собирай нормальную полевую хирургию. И оставь химию здесь. Мне нужен снайпер, а не наркоман с тремором.

Ларин смерил её тяжёлым взглядом врача, осматривающего безнадёжного пациента. — Знаешь, Рысь, почему ты плохой командир? — спросил он вдруг. Голос его дрожал от боли и

усталости. — Потому что тебе плевать на людей. Тебе важна функция. Вот Игорь — функция тарана. Антон — функция отмычки. Я — функция ниток и иголок. А ты — функция приказа. Когда-нибудь твоя шестерёнка сорвёт резьбу, потому что ты считаешь себя стальной. На его шее часто-часто билась синяя жилка, хотя пульсоксиметр на пальце показывал норму.

— Заткнись и собирай рюкзак, Док, — бросила Катя, доставая из кармана горсть капсул. — Держи. Мексидол, чистый. Без твоих добавок. Выпей при мне. Иначе останешься охранять памятник работы Сомова.

Виктор скрипнул зубами, но послушно проглотил таблетки, запив водой из грязного стакана. Профессиональная гордость хирурга оказалась сильнее боли. Он знал, что если ляжет сейчас в больницу, то выйдет оттуда вперёд ногами — слишком много знал о внутренних тестах новых препаратов на солдатах. — Хорошо, — кивнул он. — Скальпель возьму настоящий. Где встречаемся?

— На небесах. Через час.

Катя вышла из квартиры и спустилась по лестнице. В кармане она нащупала телефон, который звонил через гарнитуру — входящий вызов с неизвестного номера. Ответила.

— Мама, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я уезжаю. На неделю. Деньги я перевела, врач придёт завтра.

— Катенька, — голос матери был слабым, как у ребёнка, но в нём теплилась надежда. — Вернись, дочка. Я чувствую, что ты уходишь далеко.

— Мама, всё под контролем. Я просто меняю дислокацию. Передай Барсику, чтобы не жрал фикус. Через неделю позвоню с нового номера. Трубка стала влажной от ладони, пальцы соскальзывали с пластика.

Она нажала отбой и убрала телефон. Обещания — это роскошь, которую офицер ГРУ может позволить себе только в последний раз.

На аэродроме Чкаловский их встретил мокрый снег и рев прогреваемых турбин. Ил-76МДК модификации «Космос» выглядел огромным серым китом посреди взлётной полосы, его брюхо было раскрыто, как пасть акулы. У трапа стоял неприметный микроавтобус «Соболь» новой генерации с бронированными стёклами. Из него вышел человек в штатском — никаких знаков различия, но прямая спина и короткая стрижка выдавали кадрового военного с головой. От двигателей исходил жар, искажающий воздух над бетоном маревом.

Генерал-полковник Громов лично прибыл проводить группу. Это было нарушением всех протоколов безопасности — директора управлений не стоят на ветру у самолётных трапов, подставляя себя под снайперский выстрел. Значит, ситуация была хуже, чем он говорил.

— Товарищ генерал-полковник... — начала доклад Волкова, но он махнул рукой.

— Отставить. Времени нет. Смотрите сюда.

Он развернул голографический проектор браслета. В воздухе повисла вращающаяся модель подводного аппарата, похожего на торпеду, но с манипуляторами глубоководного ровера.

— Это «Посейдон», модификация «Омега», — Громов развернул голограмму. — Автономная термоядерная установка. Год назад её потеряли в Баренцевом море. — Официально списали, — буркнул Сомов, закидывая баул на плечо. — Неофициально наши яйцеголовые перехватили управление над прототипом НАТО, загнали его под лёд к норвежцам и использовали как станцию прослушивания, — продолжил Громов, игнорируя комментарий. — А неделю назад этот мертвец ожил. Всплыл ровно под «Полярником-7». — И там лежал ключ? — догадалась Волкова. — Ключ от двери, которую открывать нельзя, — кивнул генерал. — Ваша задача проста...

— Третьей мировой не будет, — закончил за него Сомов, закидывая на плечо баул размером с самого себя, набитый лентами и гранатами. — Будет сразу Судный день. Понял, тащ генерал. Сделаем тихо. Металлические кольца на бауле лязгнули друг о друга с глухим звоном.

— Именно, майор, — Громов пожал руку Игорю, затем повернулся к Кате. — Связь только через квантовый узел спутника. Открытым текстом называть только цифры — координаты, количество трупов. Никаких имён. Если группу расшифруют — Министерство обороны объявит вас дезертирами, продавшими секреты ЦРУ. Семьи получают пенсии по потере кормильца. Это понятно?

— Более чем, — ответила Волкова. Она знала правила игры. Группа «Вега» всегда работала на грани фола. Но сейчас грань исчезала, превращаясь в пропасть. Холодный ветер швырнул ей в лицо колючую снежную крупу, заставив зажмуриться.

— И последнее, — Громов понизил голос, подходя вплотную. — Среди обломков «Полярника» найден жетон. Частная военная компания «Aegis Defence Solutions». Американская. Но серийный номер принадлежит полку морской пехоты США, расформированному десять лет назад. Это подстава. Идеальная подделка. Нас хотят стравить с Вашингтоном. Узнайте, чья на самом деле рука нажала на спуск. Работайте.

Он отступил на шаг и отдал честь. Чётко, по-уставному, хотя они даже не были в форме. Жест отдавал металлом — казалось, можно услышать скрип сухожилий под тканью рукава.

Поднявшись по холодному металлу трапа в брюхо транспортника, Волкова увидела свою команду. Сомов уже пристёгивал страховочный пояс к кольцу в полу рядом с запасным шасси. Фантом сидел на ящике с электроникой, подсоединив кабель своего оптического импланта напрямую к бортовому компьютеру самолёта, и качал головой в такт неслышной музыке — он взламывал систему управления полётами канадских полярных авиалиний, создавая радиочастотную дыру в секторе высадки. Кабель мерцал крошечным синим диодом в полумраке отсека.

Ларин раскладывал на брезенте хирургические инструменты, протирая их спиртом. Его руки двигались плавно и уверенно — химия пока держала боль в узде. Запах медицинского спирта резко бил в нос, перебивая вонь авиационного керосина. Иллюминаторов в десантном отсеке не было. Только глухой металлический гул и мигание красной лампы готовности.

Екатерина села на откидное кресло, защёлкнула карабины. Достала из внутреннего кармана фотографию. Молодая женщина с её глазами держит на руках ребёнка. Девочка лет трёх смеётся, показывая пальцем на камеру. Это была она с матерью, когда они жили в военном городке под Мурманском. Там, где началась её история.

Катя убрала фотографию. Поправила воротник куртки. Закрыла глаза. Москву, жару, слежку СВР и умирающего друга осталось на земле. Впереди был только лёд, вакуум чужой воли и приказ вернуть то, что спрятано на дне мира.

«Вернусь, мам», — прошептала она беззвучно. Губы замерзли от ледяного дыхания внутри кабины. И самолёт взревел двигателями, унося её в арктическую ночь.

Глава 2. Высадка

Двенадцать часов в брюхе Ил-76 превращают людей в механизмы. Время теряет линейность, распадаясь на циклы вибрации двигателей, глухой гул турбин и ритмичный скрип заклёпок под потолком, мигание тусклых красных плафонов над грузовой рампой. В отсеке пахло озоном, остывающим машинным маслом и специфическим кисловатым запахом синтетики — новая партия модульных бронеплит «Ратник-5», выданная вместо их привычного гражданского снаряжения, ещё не прошла стадию выветривания заводской химии. Пластиковые защёлки рюкзака Волковой начали поскрипывать от перепада давления, реагируя на каждый подъём фюзеляжа.

Екатерина Волкова сидела с открытыми глазами. Она не спала двенадцать часов. Не потому что не могла — экзоскелет брони гасил усталость до состояния легкой вибрации в мышцах. Просто закрывать глаза сейчас было непозволительной роскошью. Каждый раз, когда она позволяла себе уснуть до начала миссии, мозг подсовывал ей лица тех, кто не вернулся с

прошлого раза. Сегодня она просто отказывалась давать ему этот материал. Скула под левым глазом дергалась мелкой судорогой — нервный тик, который всегда появлялся перед высадкой.

Игорь Сомов спал сидя, привалившись спиной к холодному металлическому борту. Даже во сне его лицо оставалось высеченным из камня — массивная челюсть, шрам через бровь, тяжёлые веки, которые, казалось, никогда не опускались до конца. Правая рука покоилась на цевье пулемёта «Печенег-СП», который он перебрал трижды за время полёта, хотя оружие было абсолютно исправно. Для Глыбы механизм должен был быть продолжением тела, живым органом, который он чувствует каждой клеткой. Его храп смешивался с ревом моторов, создавая монотонный ритм, успокаивающий остальных. Рядом с ним лежал массивный рюкзак системы «Такмак» — внутри него, помимо боекомплекта, Катя знала наверняка, лежал завернутый в промасленную ветошь старый тульский самовар. Игорь вёз его матери в деревню под Ростовом уже третий год, но каждый раз очередное задание заставляло подарок сменить маршрут. Самовар стал талисманом группы, немым свидетелем того, что у каждого из них есть жизнь за пределами приказов. Промасленная ткань слабо пахла керосином и старым деревом.

Виктор Ларин не спал. Он сидел на ящике с маркировкой «Медикаменты. Особо хрупкое» и методично вводил себе препараты через автоматический инъектор, закреплённый на предплечье. Движения были отточенными до хирургической точности — даже сквозь тряску и гул он умудрялся не промахнуться мимо вены. Желтизна ушла с его кожи благодаря стимуляторам, но синеватые капилляры на висках пульсировали чаще, чем положено здоровому человеку. Каждые сорок минут Док доставал портативный сканер, прикладывал датчик к своей шее и долго смотрел на графики мозговой активности, беззвучно шевеля губами. Он считал оставшееся ему время. Катя видела это, но молчала. В группе «Вега» личные слабости сжигались в топке общего дела прямо на старте. На экране сканера мерцала тревожная оранжевая иконка тахикардии.

Фантом вообще не принадлежал физическому пространству самолёта. Антон Зимин полулежал в десантной люльке, подключив кабель прямого нейрошунта к разьёму у основания черепа. Второй конец кабеля уходил в защищённый серверный блок, который хакер собрал из запчастей бортового вычислителя транспортника — кучка микросхем, спаянных на коленке, но способная конкурировать с суперкомпьютерами десятилетней давности. Лицо Антона подёргивалось в микроспазмах — там, в потоках данных даркнета, он сейчас взламывал систему управления полётами канадских полярных авиалиний, чтобы создать радиочастотную дыру в зоне выброски. Для него этот самолёт был просто шумным медленным модемом, а тело — лишь контейнером для мозга, который жил в киберпространстве. Катя видела, как его пальцы, лежащие на коленях, иногда дёргались, нажимая невидимые клавиши. Он сражался на своём фронте, и он был так же опасен, как Сомов с пулемётом. Металлический разьём у него на затылке покрылся тонким слоем конденсата от дыхания.

— Десять минут до точки сброса! — голос второго пилота пробился сквозь наушники шлема, перекрывая гул двигателей. — Активировать протокол десанта! Ветровой режим — штормовой! Видимость ноль, высота облачности двести метров! Работаем по приборам!

Волкова поднялась одним плавным движением. Мышцы отозвались лёгкой тяжестью — гравитация здесь была чуть выше нормы из-за плотной набивки топливных баков в центроплане. Центроплан давил на плечи невидимым прессом. Она включила внутренний микрофон гарнитуры, чтобы её голос звучал в ушах каждого из группы чётко и холодно. — Проверить снаряжение. Фаза один — радиоэлектронная тишина. Выходим призраками. Если нас подсветят радары ледокола «Академик Келдыш», мы станем отличным украшением для камбуза касаток.

Сомов мгновенно проснулся, как медведь, услышавший выстрел. Храп оборвался, глаза открылись, и он уже был в полной боевой готовности — это превращение занимало у него меньше секунды. Он щёлкнул предохранителем и передёрнул затвор, загоняя патрон в ствол. Звук получился оглушительным в замкнутом пространстве отсека, металлический щелчок, от

которого у Ларина дёрнулось веко. Ларин инстинктивно прижал ладонь к груди, словно пытаясь успокоить сердце ударами пальцев. — Касатки любят теплое мясо, командир, — прогудел он, закидывая лямку пулемёта на шею. — А я предпочитаю холод. Где прыгаем?

— Восточная кромка острова Гукера. Прямо на крышу «Полярника». Координаты забиты в ваши планшеты. Высота четыре тысячи. Штормовое предупреждение снято час назад, но нижний край облачности — двести метров. Видимость нулевая. Идёте по приборам.

Загудели электромоторы. Тяжёлая кормовая аппарель начала медленно опускаться, издавая протяжный скрежет, похожий на стон металлического кита. В образовавшуюся щель ворвался ад. Вой ветра перекрыл даже рев двигателей — он был похож на смесь тысяч сирен и рёва дикого зверя. Температура в отсеке упала на десять градусов за секунду, воздух стал плотным и колючим. Ледяная крошка секла лица, несмотря на защитные маски, и Катя почувствовала, как её щёки начинают неметь. Кожа на запястьях, где манжеты парки прилегали неплотно, моментально потеряла чувствительность.

Волкова подошла к краю аппарели. Под ними не было земли. Только бесконечная белая мгла, подсвеченная снизу редкими разрывами облаков, где виднелись чёрные трещины разводьев Северного Ледовитого океана — они казались зловещими шрамами на теле планеты. Океан внизу дышал, поднимая клубы пара над черной водой. — Первыми идут Док и Фантом. Задача — принять груз и развернуть приводной маяк. Мы с Глыбой страхуем вас сверху. Интервал пять секунд. Погнались.

Антон отстегнул страховочный пояс. Не открывая глаз и не вынимая шунт из разъёма, он подошёл к краю с лёгкостью танцора. Система оптического импланта транслировала ему данные о скорости ветра лучше любого анемометра — он чувствовал потоки, как рыба чувствует течение. Антон шагнул в пустоту вперёд ногами, сгруппировавшись в идеальный шар. Поток воздуха тут же схватил его лёгкую фигуру и понёс в сторону, гася вертикальную скорость.

Следом ушёл Ларин. Он прыгал тяжелее, плотнее — врач нёс на себе не только оружие, но и медицинский модуль с дефибриллятором и запасом плазмы. Его задачей было контролировать падение контейнера со спецоборудованием, который следовал за ними на отдельном вытяжном парашюте-автомате. Перед прыжком Виктор замер. Его пальцы сложились в троеперстие и коснулись лба так быстро, словно он пытался украсть это движение у самого себя, пока Док-атеист не успел его заметить. Но Катя уловила. На дне шахты ледяного ада врач всё ещё торговался с тем, во что давно перестал верить.

Катя посмотрела на Игоря. — Готов, святой отец? — усмехнулась она.

— Я неверующий, Рысь. Мне сложнее, — Сомов перекрестился левой рукой, правой всё ещё сжимая рукоять пулемёта. — Но когда падаешь с четырёх километров, начинаешь верить хоть в черта лысого. Его дыхание оставляло на стекле забрала матовый круг инея.

— Тогда молись своему пулемёту. Иди.

Глыба шагнул в пропасть без паузы. Огромная туша майора исчезла в белой пасти шторма так буднично, словно вышел в соседнюю комнату. Ветер на секунду стих, уступая его массе, а затем снова взвыл.

Волкова осталась одна. Она выждала положенные пять секунд, позволяя телу войти в физиологический ритм свободного падения. Затем шагнула вперёд. Удар воздушного потока был похож на удар бейсбольной битой — он выбил воздух из лёгких, сжал грудную клетку и на секунду ослепил. Маску мгновенно залепило льдом, визор затянуло изморозью. Автопилот высотного стабилизатора парашюта запищал, раскрывая купол высоко над головой с резким хлопком. Рывок подвески бросил желудок к горлу, а затем наступила тишина.

Здесь, наверху, ветер правил миром. Он швырял её тело, переворачивая вокруг оси, как щепку в водовороте. Оптический визор шлема перешёл в режим эхолокации, рисуя контуры пространства зелеными линиями — скалы, ледяные поля, тёмные провалы разводьев. Снизу,

сквозь помехи, начал пробиваться слабый сигнал — зелёный треугольник. Фантом успел развернуть маяк. До земли — тысяча восемьсот метров.

На высоте восьмисот метров включилась вторая ступень торможения — прямоточные газовые рули встроенной системы «Кентавр». Стропы натянулись, жёстко фиксируя положение тела. Теперь Волкова не падала, а летела почти горизонтально, управляемая микроджетами, которые компенсировали боковой снос. Она чувствовала, как адреналин выжигает страх, превращая его в холодное сосредоточение. Шлем вибрировал в такт работе газовых сопел, передавая дрожь прямо в зубы.

Зелёный треугольник рос. К нему присоединились ещё три — группа собралась в периметре. Они были рядом, живы, готовы к бою.

Земля возникла внезапно. Белая пелена разорвалась, обнажив острые зубы базальтового плато, покрытые слоем льда, который блестел, как стекло. Скалы неслись навстречу со скоростью курьерского поезда. Катя отработала маневровыми дюзами, гася инерцию, и приземлилась на колени, сразу уйдя в перекат. Удар о смерзшийся снег выбил воздух из лёгких, несмотря на амортизаторы экзоскелета — в груди хрустнуло, и она на мгновение замерла, ожидая боли. Но кости выдержали. Она замерла, распластавшись за острым выступом чёрного камня. Прислушалась.

Тишина Арктики обманчива. Здесь нет птиц, нет зверей. Есть только свист ветра между скалами и треск лопающегося льда — звук, похожий на выстрелы из дальнего орудия. Радиоэфир был девственно чист — Фантом задавил все частоты белым шумом на двадцать километров вокруг. Любой спутниковый телефон или беспилотник здесь ослепнет и оглохнет. Снег под перчатками скрипел с противным стеклянным звуком.

Рядом материализовался силуэт. Сомов возник из снега бесшумно, как морж выбирается на берег — массивно, но беззвучно. Пар изо рта тут же оседал инеем на его бороде, превращая её в сосульки. — Чисто, — прошептал он в микрофон. Голос звучал сдавленно из-за прижатой к лицу дыхательной маски с подогревом. — Контейнер вижу. Док копаются.

Ларин стоял на коленях над сброшенным оборудованием. Из открытого кофра шёл густой пар — внутри работали химические грелки и система климат-контроля для электроники, не позволяя кристаллам переохлаждаться. Виктор колдовал над антенной решёткой квантового приемника, соединяя тонкие волоконные кабели с разъёмами, которые дымились на морозе. — Связь с подводным дроном есть, — доложил он спустя минуту, когда индикатор на его планшете загорелся зелёным. — «Сармат-два» пошёл ко дну. Глубиномер показывает стабильные сто метров воды под нами. Точка входа — тридцать метров выше по склону.

Фантом тем временем закончил настройку обороны. На снегу теперь стояли два зонда-постановщика помех, замаскированные под куски льда. Они генерировали ложные сигнатуры тепловой активности стаи белых медведей — любое тепловизионное наблюдение извне покажет агрессивную фауну вместо четверых диверсантов. Антон закончил настройку, отключил шунт и пошатнулся — порт на затылке дымился от перепада температур, а лицо его было бледнее снега. Он тяжело оперся локтем на колено, борясь с приступом тошноты после выхода из сети. — Взлётка готова, — хрипло сказал он. — Я ослеп. Вся группировка спутников легла.

Мой канал связи — только эта иголка в стоге сена. Если они используют лазерную связь узким лучом, я её не увижу.

— Поэтому мы идём тихо, — ответила Волкова, поднимаясь. Она отряхнула снег с колен и проверила автомат — механизм работал как часы. — Док, что с погодой?

— Барометр падает, — Ларин кивнул на свой наручный метеокомплекс, который показывал дрожащие цифры. — Через полчаса начнётся зарядя. Настоящая буря. Видимость упадёт до метра. Это наш единственный шанс зайти незамеченными. Если на станции кто-то живой, они сейчас забились в реакторный отсек и молятся, чтобы крыша не рухнула.

Они начали подъём. Шли походным орлом: Волкова впереди, прокладывая путь и снимая показания переносного детектора движения, который тихо попискивал, сканируя окружающее пространство на предмет активности. За ней Сомов, контролирующий фланги — его пулемёт был направлен в сторону моря, откуда могла прийти атака. Замыкали Ларин и Фантом, несущие самое тяжёлое оборудование: док тащил медицинский модуль и контейнер с артефактом, а хакер — защищённый ноутбук с квантовым декодером.

Станция «Полярник-7» выглядела как склеп. Бетонный куб, занесённый снегом по самые окна-бойницы, врос в скалу так, что казался её продолжением. Старый красный флаг СССР, намертво примерзший к стальной мачте, издавал тихий металлический звон на ветру — единственное движение в этом царстве смерти. Окна были тёмными, ни огонька, ни теплового излучения. Станция была мертва.

Катя остановилась у главного входа. Гермодверь была закрыта изнутри на штурвал аварийной блокировки — старая механическая система, не требующая электроэнергии. Никаких следов взлома снаружи. Никаких царапин от взрывчатки на бетоне, ни следов термической резки. — Они вошли вежливо, — констатировала она. — Или вышли оттуда.

— Следов крови нет, — Сомов провёл рукой в толстой перчатке по косяку. — Ни единой красной крупинки. При таком морозе кровь превращается в стекло. Если бы их резали здесь, стены были бы алыми. Перчатка скользнула по металлу, оставив влажный след от растаявшего инея.

— Значит, бойня была внизу, — кивнул Ларин. — В жилом блоке или возле скважины. Рысь, датчики тепла ничего не показывают. Внутри минус пятнадцать. Реактор заглушен полностью.

— Фантом, вскрывай. Без шума.

Хакер опустился на колени перед электронным замком двери — старой советской системой доступа, которую можно было взломать только физическим контактом. Магнитные карты давно размагнитились, чипы умерли десятилетия назад. Осталась механика и резервный цифровой контур. Антон достал тонкий планшет-экструдер, приложил его к панели и начал сканировать. По экрану побежали строки бинарного кода. Работать голыми пальцами при минус тридцати было невозможно — пластик сенсора становился хрупким, как стекло. Поэтому Фантом использовал перчатки с вплетёнными оптоволоконными нитями, передавая импульс напрямую от своего нейроимпланта через кожу. Его глаза закатились, он перешёл в режим глубокого сосредоточения. Кончики его пальцев слегка светились синим сквозь тонкую ткань.

Прошло тридцать секунд. Затем — тихий щелчок. Штурвал с мягким пневматическим вздохом провернулся на пол-оборота. Блокировка снята.

Волкова подняла сжатый кулак. Группа замерла. Она потянула дверь на себя — тяжёлая плита металла отошла внутрь, открывая абсолютный мрак шлюза. Пахло нежилым холодом и озоновой гарью сгоревших конденсаторов — запах смерти и техногенной катастрофы. Изнутри пахло еще и сладковатым запахом озона, какой бывает после удара молнии.

Первым вошёл Сомов, держа пулемёт на уровне глаз. Включил тактический фонарь — узкий белый луч разрезал тьму, выхватывая ряды старых железных шкафчиков для одежды, покрытых густым слоем изморози. На крючке висел чей-то бушлат, из кармана торчал край газеты «Правда» за восьмидесятый год. — Никого, — выдохнул Игорь. — Даже тараканы сдохли.

За шлюзом находился основной коридор. Лампы аварийного освещения едва тлели красным, питаясь от остаточного тока умирающих батарей — их свет был похож на кровь, размазанную по стенам. Пол был чистым. Слишком чистым. В жилых помещениях заброшенной полярной станции всегда остаётся пыль, мелкий мусор, следы жизни — здесь же бетон блеснул, как будто его вымыли и отполировали. Его подмели. Идеально. В углах скопились мелкие кристаллики замерзшей влаги, похожие на алмазную пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.